

ПОЪЗДКА ВЪ СОМЮРЬ.

(БЪГЛЯ ЗАМѢТКИ.)

III.

ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦУЗСКИХЪ И НАШИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Вечеромъ, въ день приѣзда моего въ Сомюръ, я отправился въ café, гдѣ сходятся офицеры школы, и, сообщивъ одному изъ нихъ, кто я такой и зачѣмъ приѣхалъ, тотчасъ же былъ принятъ въ ихъ общество самымъ радушнымъ образомъ. Особенное вниманіе оказывали мнѣ во все время моего пребыванія въ школѣ тѣ офицеры, которые участвовали въ прошедшей войнѣ противъ Россіи, которые имѣли, слѣдовательно, случай узнать насъ поближе, узнать наши хорошія и слабыя стороны. Результатомъ такого знакомства было, съ ихъ стороны, и по собственному ихъ выраженію, *«глубокое уваженіе къ русской арміи и симпатія ко всему нашему народу»*. Полагаю, что и я говорилъ правду, увѣряя ихъ, что тѣ же чувства питали и питаемъ и мы къ Французамъ.

Одному изъ этихъ офицеровъ, поручику Бурселлю (Bourselle), 3-го гусарскаго полка, я особенно признателенъ за сочувствіе, которое онъ оказывалъ мнѣ, благодаря моей національности. Онъ получалъ въ дѣлѣ 17 сентября, гдѣ была разбита уланская бригада Корфа, не болѣе и не менѣе, какъ 18 ранъ, въ томъ числѣ одну пикою въ грудь насквозь. Жалѣю, что

мѣсто не позволяетъ мнѣ сообщить здѣсь кое-что изъ его разсказа объ этомъ довольно еще темномъ для насъ дѣлѣ. По его мнѣнію, собственно войска сдѣлали все что можно было сдѣлать въ ихъ критическомъ положеніи, «даже больше», чѣмъ слѣдовало, прибавилъ онъ, улыбаясь и указывая на свою пробуравленную грудь и разрубленную челюсть.

Проживъ въ обществѣ этихъ милыхъ людей болѣе недѣли, изучивъ нѣсколько ихъ образъ жизни, я рѣшился написать эту третью главу моей поѣздки въ Сомюръ, въ которой, хотя описываю только видѣнное въ Сомюрѣ и прожитое мною въ прежніе годы, но полагаю, что общее заглавіе, данное ей, все-таки уместно. Такъ какъ о частной жизни французскихъ офицеровъ у насъ еще мало писали, то я надѣюсь, что «замѣтки» о ней не будутъ лишены интереса.

Поручикъ Ф—къ, возвращаясь со мною изъ манежа, предложилъ мнѣ зайти въ его квартиру, мимо которой мы проходили. Я, разумеется, согласился съ удовольствіемъ: мнѣ хотѣлось видѣть, какъ живутъ французскіе офицеры. Потому я нарочно былъ еще у двухъ, трехъ и не нашелъ разницы въ обстановкѣ. Квартира, о которой будетъ идти рѣчь, болѣе или менѣе схожа со всѣми офицерскими квартирами и можетъ дать понятіе о жилищѣ здѣшняго армейца.

Поручикъ занималъ двѣ небольшія комнаты во второмъ этажѣ, куда мы поднялись по довольно узкой и не очень опрятной лѣстницѣ. Каждая комната имѣла только одно окно. Первая была нѣчто въ родѣ пріемной и кабинета и выходила на улицу; другая, спальня, на дворъ. Какъ почти вездѣ во Франціи, обѣ комнаты были хорошо меблированы. Мебель, зеркала, картины на стѣнахъ принадлежать хозяину дома; все это со вкусомъ разставлено и развѣшено. Картины примѣнены къ военному вкусу: онѣ изображаютъ лошадей, сраженія и т. п. Постельное бѣлье, даже подушки и одѣяло также хозяйское, а какъ всѣ офицеры обѣдаютъ и завтракаютъ внѣ дома, то и избавлены отъ всевозможныхъ хозяйственныхъ хлопотъ и дразгъ, составляющихъ, быть можетъ, поэзію нашихъ помѣщицъ, но сильно надоедающихъ и особенно удручающихъ русскихъ офицеровъ во время квартированія въ деревняхъ, когда избѣгнуть ихъ нѣтъ никакой возможности.

Передъ окномъ, выходящимъ на улицу, стоялъ письменный

столъ. На немъ, впрочемъ, вѣроятно, давно уже ничего не писалось: мѣсто, оставленное свободнымъ, было далеко недостаточнымъ, чтобы положить на него листъ бумаги и руки, для писанія; чернила, кажется, давно засохли. На столѣ красовалась хорошая лампа съ абажуромъ, лежалъ бинокль, разныя бездѣлушки и десятка два книгъ, которыя я всѣ просмотрѣлъ, помня умное изреченіе: скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, что ты такое. Тутъ было, во первыхъ, пять томовъ вновь вышедшей исторіи Франціи. Замѣьте, французскіе офицеры не только читаютъ исторію своего отечества, но даже покупаютъ книги подобнаго содержанія—многозначительный фактъ. У насъ это рѣдко случается; но я вполне извиняю нашихъ офицеровъ: еще не существуетъ исторіи Россіи, на русскомъ языкѣ, особенно новѣйшей, которую можно было бы читать съ удовольствіемъ. Далѣе лежали курсъ иппологіи, уставы и другіе учебники, принятые въ школъ для руководства; нѣсколько математическихъ книгъ, оставшихся у офицера послѣ Сен-Сирской школы; наконецъ, по беллетрическому отдѣлу, я нашелъ «Записки Видока», извѣстнаго парижскаго сыщика, «Les aventures du chevalier de Faublas», «Les grands capitaines amoureux», «Les femmes devant l'échafaud» и т. д. Судя по заглавіямъ, все это болѣе или менѣе героическія вещи, во всякомъ случаѣ стоящія выше современныхъ французскихъ романовъ, которые, за рѣдкими исключеніями, приняли самое пошлое направленіе.

На стѣнѣ, надъ диваномъ, были придѣланы двѣ вертикальныя дощечки, каждая съ рядомъ гвоздей, изящно выполированныхъ. На нихъ была разложена цѣлая коллекція хлыстиковъ, бичей, арапниковъ, тросточка, двѣ сабли, шпага, нѣсколько рапиръ и эспадроновъ. Тутъ же, съ боку, висѣли фехтовальная маска и перчатки, кепи и колпачекъ (*bonnet de police*), замѣняющій нашу фуражку. Печей во Франціи нигдѣ нѣтъ: онѣ замѣнены каминами, благодаря которымъ Французы мерзнутъ въ своихъ домахъ гораздо болѣе при 5 градусахъ мороза, нежели мы при 25. На каминѣ бронзовые часы; надъ ними большое зеркало въ вызолоченной рамѣ, въ которую было воткнуто десятка два фотографическихъ визитныхъ карточекъ, почти все портреты полковыхъ и школьныхъ товарищей, хозяина квартиры, за исключеніемъ двухъ-трехъ «женщинъ». Одинъ портретъ послѣдней категоріи былъ въ такомъ костюмѣ и въ такой позѣ, что не было возможности усомниться, что это дѣй-

ствительно «женщина», благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ фотографіи, воспроизводящей теперь природу съ необыкновенной точностію.

Середину комнаты занималъ небольшой круглый столъ, накрытый шерстяною скатертью съ бахромой. Онъ стоялъ передъ диваномъ, служащимъ для приѣма гостей. На столѣ—пепельница и стаканъ съ десяткомъ сигаръ. Это обыкновенное угощеніе гостей; другаго нѣтъ, потому что хозяинъ никогда ничего не ѣсть и не пьетъ дома и не имѣетъ даже ни стакана, ни ложки. Надъ диваномъ виситъ хорошій фотографическій снимокъ съ картины г. Ивона, пользующейся большою, хотя не вполне заслуженною, извѣстностію, потому что грѣшитъ противъ истины. Она изображаетъ взятіе Малахова. Оригиналъ въ Версальскомъ музеѣ.

Все въ комнатѣ было чисто, красиво и разставлено въ строгомъ порядкѣ. Спальня нѣсколько меньше. Въ ней помѣщались *двуспальная* кровать съ занавѣсками, обыкновенною принадлежностію всякой кровати во Франціи, шкафъ съ платьемъ и военной сбруей, т. е. кирасы (хозяинъ былъ поручикъ 8-го кирасирскаго полка), каска, лядунка и т. д.; комодъ съ бѣльемъ и умывальникъ со щеточками, мылами и флакончиками. На шкафу стояло пять или шесть паръ вычищенныхъ сапоговъ и ботинокъ, лакированныхъ и обыкновенныхъ, съ большими и маленькими шпорами. Шпоры были также всевозможныхъ величинъ, съ острыми и тупыми репейками. Въ углу висѣлъ халатъ. Изъ-подъ постели выглядывали вышитыя туфли.

Изображая бытъ армейскихъ офицеровъ, наши невоенные писатели часто впадаютъ въ анахронизмъ и до сихъ поръ еще рисуютъ его такимъ, какимъ онъ былъ тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Квартиру армейца они описываютъ обыкновенно въ большомъ беспорядкѣ, безъ всякихъ слѣдовъ удобства, украшеній и чистоты, которая старается придать своему жилищу всякій нѣсколько развитый и не слишкомъ нуждающийся человекъ. Ее описываютъ грязною, съ запахомъ табачной копоти и собакъ, обитающихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, съ сѣдлами и мундштуками, валяющимися въ одномъ углу, и съ десятками чубуковъ въ другомъ, изъ которыхъ одинъ не выпускается хозяиномъ изо рта. Всю бібліотеку составляютъ нѣсколько томовъ устава; бумаги, чернилъ и перьевъ нѣтъ и въ заводѣ, а когда нужно писать рапортъ или письмо, то посылаютъ деньщика за принадлежностями.

ми въ канцелярію или къ сосѣду. Деньщикъ этотъ описывается оборваннымъ, нечесаннымъ и немытымъ, нерѣдко даже съ подбитыми глазами. Мебели въ комнатѣ почти никакой, а если и есть, то поломаная. Баринъ пьетъ много водки, деньщикъ еще больше. Баринъ только и дѣлаетъ, что играетъ въ карты, на биліардѣ въ трактирѣ, бываетъ на ученьяхъ и по уши въ долгахъ; деньщикъ играетъ въ носки и сидитъ въ кабакѣ. Я не отвергаю, что такіе офицеры-антики сохранились еще; но они уже очень рѣдки, во многихъ оружійхъ даже вовсе не существуютъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить типомъ нашихъ армейцевъ 1862 года.

Армейцы нынѣшняго времени одѣваются хоть не роскошно, но опрятно; имѣютъ складную желѣзную кровать, застланную фланелевымъ одѣяломъ; надъ кроватью виситъ коверъ; на коврѣ сабля и пистолеть, обыкновенно револьверъ, и часто еще охотничье ружье. У окна хаты или домика красуется складной столикъ, съ зеленымъ сукномъ, на которомъ хозяинъ пьетъ, обѣдаетъ и играетъ въ карты, когда случатся гости. Здѣсь стоятъ два нейзильберныхъ подсвѣчника, зеркало, чернильница и разложено нѣсколько мелочей. Тутъ же или, чаще, на стѣнѣ, на какойнибудь полкѣ, лежатъ уставы, въ которые рѣдко заглядываютъ; нѣсколько нумеровъ «Военнаго Сборника» и еще какіянибудь сочиненія, большею частью, правда, романы, взятые изъ полковой библіотеки. Сѣдло виситъ въ конюшнѣ, на своемъ мѣстѣ, а не валяется въ комнатѣ; гдѣнибудь на печи стоятъ вычищенный складной самоваръ (одно изъ гениальнѣйшихъ изобрѣтеній Тулы, по практичности своей въ военномъ быту) и нѣсколько тарелокъ, покрытыхъ салфеткой, чтобы не заплылились. Въ комнатѣ не всегда очень чисто, но офицеръ обращаетъ на это вниманіе и доволенъ, когда чисто. Собака, правда, есть у многихъ; но отчего же ей и не быть, тѣмъ болѣе, что запаха ея, какъ собаки благовоспитанной, не слышно. Въ предупрежденіе всякихъ запаховъ, время отъ времени сожигаются даже курюшка или листокъ душистой бумаги. Въ передней, если она есть, попахиваетъ-таки деньщикомъ, но ужъ безъ этого, видно, нельзя. Офицеръ, кромѣ рюмки водки передъ обѣдомъ и ужинкомъ, никакихъ спиртуозныхъ напитковъ не употребляетъ; деньщикъ почти тоже. Офицеръ кутитъ только когда отправляется въ полковой штабъ, гдѣ встрѣчается съ товарищами; деньщикъ—когда баринъ уѣзжаетъ куданибудь, когда ему нечего дѣлать.

Между бариниомъ и деньщикомъ существуютъ даже иногда самыя дружественныя, чуть не интимныя отношенія, и взаимно передаются разныя радости и печале. Долги у офицера если и есть, то не очень значительныя, и заставляютъ его ежедневно думать о томъ, какъ бы выплатить старыя и не сдѣлать новыхъ; онъ часто беретъ карандашъ и бумагу и разсчитываетъ свои настоящіе и будущіе капиталы и подводитъ балансъ. Онъ очень заботится о своей лошади и нерѣдко отказываетъ себѣ въ лишнемъ блюдѣ, въ какомъ нибудь удовольствіи, чтобы давать ей три съ половиною гарнца овса вмѣсто положенныхъ трехъ. Онъ любитъ играть въ карты и на бильярдѣ, любитъ полѣтничать; но эти *занятія* обусловливаются какъ-то всѣмъ его бытомъ. Онъ не очень привязанъ собственно къ службѣ, но любить свой полкъ и армейскую жизнь; онъ интересуется тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ вообще и въ Россіи въ особенности, а потому просматриваетъ, *если случится*, газеты, мало, впрочемъ, обращая вниманія на день ихъ рожденія, и если вы пріѣхали изъ города, то непремѣнно спрашиваетъ: что слышно новаго? не будетъ ли *чего*? Онъ куритъ обыкновенно папиросы, а не трубку, и мѣняетъ рубашку не менѣе одного раза въ недѣлю; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда приходится быть въ дамскомъ обществѣ, не задумается перемѣнить ее и черезъ день.

Вернемся въ Сомюръ.

— Офицеры ваши всѣ живутъ по одному? спросилъ я хозяина, радушно усадившаго меня на диванѣ и поподчивавшаго сигарой, не изъ стакана на столѣ, а изъ особенной запертой шкатулочки, изъ чего я заключилъ, что находящіяся въ стаканѣ «предназначены» для друзей, т. е. для безцеремонныхъ гостей, *требующихъ* сигару, не дожидаясь предложенія хозяина.

— Всѣ. Во первыхъ, трудно ужиться съ кѣмъ нибудь въ одной комнатѣ: годъ, два живешь, а потомъ надоѣшь другъ другу и изъ-за пустяковъ серьезно поссорись съ человѣкомъ, съ которымъ былъ бы иначе всю жизнь лучшимъ другомъ; а во вторыхъ, это очень женируетъ, когда принимаешь у себя женщину (*quand on reçoit chez soi une femme*). Наконецъ, мы вѣдь цѣлый день проводимъ въ своемъ обществѣ, то на ученьи, то въ кафе, и хочется иногда побыть и одному. Часто насъ живетъ пять, шесть человѣкъ въ одномъ домѣ, но каждый отдѣльно.

Я согласился съ этимъ мнѣніемъ и невольно вспомнилъ слѣ-

дующую мысль г. Гончарова, въ «Обломовѣ»: «они, живучи вдвоемъ, надоѣли другъ другу. Короткое, ежедневное сближеніе человѣка съ человѣкомъ не обходится ни тому, ни другому даромъ: недостаетъ жизненнаго опыта, логики и сердечной теплоты, чтобы, наслаждаясь только достоинствами, не колотъ и не колотѣться взаимными недостатками».

На лѣстницѣ послышался стукъ шпоръ, и вошелъ солдатъ, съ шарою красныхъ, поношенныхъ рейтузъ въ рукахъ.

— Mon lieutenant, отрапортовалъ онъ: — портной починилъ и велѣлъ сказать, что поставитъ въ счетъ одинъ франкъ двадцать-пять (подразумѣвается *самшимова*).

— Покажите, какъ починилъ.

Солдатъ показалъ заплату, поставленную на томъ мѣстѣ, которое, во время ѣзды, соприкасается наиболѣе съ сѣдломъ и потому часто протирается у кавалеристовъ. Заплата была поставлена хорошо. Солдатъ повѣсилъ рейтузы въ шкафъ, смахнулъ потомъ пылинки, случайно попавшія на сапоги, стоявшіе на шкафѣ, посмотрѣлъ во всѣ углы, все ли въ порядкѣ, и, удостовѣрившись, что все дѣйствительно въ порядкѣ, спросилъ офицера:

— Mon lieutenant ничего не приказываетъ?

Поручикъ отвѣтилъ, что ничего, и солдатъ отправился на уборку лошадей.

Мнѣ было любопытно узнать объ отношеніяхъ и условіяхъ, которыя существуютъ здѣсь между офицерами и прислуживающими имъ солдатами (*ordonnances*), т. е. замѣняющими нашихъ денщиковъ. Вотъ что я узналъ:

Солдаты прислуживаютъ офицерамъ и *унтеръ-офицерамъ* не по наряду, а по добровольному согласію, и получаютъ за это отъ офицера 12 — 15 франковъ въ мѣсяцъ, т. е. отъ 3 рублей до 3 рублей 75 копѣекъ. Унтеръ-офицеры платятъ за ту же самую службу только отъ 4 до 6 франковъ. Если они не находятъ охотниковъ служить имъ за эту сумму, то вся часть, которою начальствуетъ унтеръ-офицеръ, обязана даромъ работать для него: одинъ чиститъ сапоги, другой платье, третій каску, четвертый саблю, пятый лошадь, и т. д. До этого рѣдко доходитъ; но солдаты иногда нарочно отказываются отъ услуги унтеръ-офицерамъ, которыхъ не любятъ, хорошо зная, что такое коллективное услуживанье очень непріятно. Недаромъ же у насъ говорятъ, что когда у ребенка много нянекъ, то у него носъ всегда раз-

бить. Приведенная плата не назначена закономъ и остается почти неизмѣнною: никто не платитъ больше, чтобы не возбудить зависти въ другихъ ординарцахъ. За такую плату солдатъ обязанъ чистить лошадь офицера, убирать сѣдло и уборъ, чистить его сапоги и платье и дѣлать другія мелкія услуги. Но если офицеръ, напримѣръ, заболѣетъ и ординарцу придется ходить два раза въ день въ гостинницу за завтракомъ и обѣдомъ, или офицеръ вообще часто разсылаетъ его, то *долженъ* дать до 20 франковъ въ мѣсяцъ. Обязавшись разъ, ординарецъ обязанъ вести все исправно, и за малѣйшую вещь офицеръ можетъ его безъ церемоніи послать подъ арестъ, какъ за нарушеніе прямыхъ служебныхъ обязанностей. Ординарецъ живетъ въ казармѣ, и до комнаты и постели своего патрона ему нѣтъ никакого дѣла: вездѣ, за границей, когда холостой человѣкъ нанимаетъ квартиру, то уже само собою разумѣется, что нанимаетъ ее съ тѣмъ, что называется во Франціи *faire la chambre*, а въ Германіи *das Zimmer in Ordnung bringen*. Когда вы утромъ уходите, то отдаете ключъ служанкѣ, часто одной на десять, двѣнадцать жильцовъ, и она приводитъ въ ней все въ порядокъ, мететъ, вытираетъ пыль, приноситъ воду и т. д. Эта служанка всегда возбуждала во мнѣ особенное удивленіе. День ея начинается самымъ раннимъ утромъ, когда она отправляется на рынокъ за провизіей. Поболтавъ тамъ еще съ знакомыми, она возвращается и варитъ кофе для хозяина и тѣхъ жильцовъ, которые пьютъ его дома, а не въ кафѣ; потомъ разноситъ его по комнатамъ и, по мѣрѣ того, какъ жильцы уходятъ, начинаетъ убирать — и убирать очень аккуратно — ихъ комнаты. Потомъ она готовитъ кушанье для хозяина и его семейства, убираетъ и его комнаты, моетъ посуду и бѣлье; въ антрактахъ успѣваетъ еще одѣтъ, подмытъ, накормитъ и уложить спать маленькихъ дѣтей хозяина, слетать разъ пять, шесть на другой конецъ улицы за сигарами, бумагой или другими покунками для жильцовъ, напиться самой раза три кофею. А вечеромъ, послѣ такого трудового дня, она наряжается еще въ шляпку и кринолинъ и отправляется въ театръ или на балъ, гдѣ такъ танцуетъ, что у васъ не явится и подозрѣнія о гимнастикѣ, которою она была занята цѣлый день. Но нужно видѣть, какъ служанки эти сложены въ Германіи: лицо круглое, какъ мѣсяцъ; щеки красныя, какъ макъ; въ плечахъ безъ малаго аршинъ; руки толстыя и красныя, лоснящіяся отъ чистоты, а потому напоминавшія мнѣ наши кавалерійскіе котел-

ки, когда они ярко вычищены къ «шпехтурскому» смотру. Роста онѣ, разумѣется, очень различнаго, но у всѣхъ хорошо развита грудь. Грудн эти, впрочемъ, могутъ удивить Французовъ, а у насъ, на Руси православной, этого товара еще не занимать: пройдите въ воскресенье по главной улицѣ любого русскаго городка и посмотрите на нашихъ купчихъ, и вы получите понятіе о нѣмецкихъ служанкахъ. Но у тѣхъ преобладаетъ жиръ, фізіономія ничего не выражаютъ, кромѣ апатіи; здѣсь — сила, мускулы, развитые страшнымъ трудомъ, и всегда веселое лицо, какое можетъ быть только у человѣка работающаго и *ладью-щавося*.

— Скажите, пожалуйста, Amalchen, спросилъ я однажды одну изъ такихъ дочерей Германіи, которой было уже лѣтъ двадцать-шесть, семь: — отчего вы не выходите замужъ?

— У меня есть женихъ, стыдливо отвѣчаетъ она.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— Еще не собрали мы всѣхъ нужныхъ денегъ.

— Какія нужны деньги?

— Нужно намъ 150 талеровъ, чтобы начать аренду одного участка. А безъ этого мои родители не соглашаются.

— Какъ же вы собираете эти 150 талеровъ?

— Я для этого и пошла изъ деревни въ городъ, въ служанки. Здѣсь все же можно отложить каждый годъ талеровъ пятнадцать, да женихъ мой служить у помѣщика конюхомъ и откладываетъ столько же, если не больше. Мы такъ уже четыре года работаемъ. Богъ дастъ, скоро и свадьба наша будетъ.

Нечего и говорить, что подобныя служанки ведутъ самую честную жизнь во всѣхъ отношеніяхъ. Выйдя замужъ послѣ нѣсколькихъ годовъ ожиданія, онѣ возвращаются къ сельской жизни и исправно начинаютъ рожать нѣмчинокъ, такихъ же здоровыхъ и краснощекихъ, какъ сами. Удивительно, откуда берутся это здоровье и эта сила: буквально три четверти пищи у бѣдныхъ нѣмцевъ состоитъ изъ картофеля и жидкаго кофею, въ которомъ гораздо болѣе цикоріи, нежели кофея. (Безъ нихъ и богатый нѣмецъ не садится за столъ.) А картофель и цикорія не очень-то питательныя вещи. Впрочемъ, если нашъ православный народъ, выросшій на капустѣ и въ грязныхъ и душныхъ избахъ, волею Божіею пользуется весьма вождельнымъ здравіемъ и сложеніемъ, то почему же нѣмцамъ не пользоваться имъ на картофелѣ и въ опрятныхъ жилищахъ своихъ?

Французская служанка представляет, напротивъ, довольно несимпатическую личность въ нравственномъ отношеніи....

Какъ видно, люди, прислуживающіе здѣсь офицеру, ординарецъ и служанка, не теряютъ даромъ времени и ни гроша не стоятъ правительству. Офицеру же, платящему, положимъ, 13 франковъ въ мѣсяцъ своему ординарцу и дающему три франка служанкѣ, на башмаки, вся прислуга обойдется, слѣдовательно, въ 16 франковъ, т. е. въ 4 рубля. Разсчитайте, что вамъ стоятъ солдатъ, убирающій вашу лошадь, и деньщикъ: выйдетъ сумма немного менѣе этой. Правда, здѣсь неизвѣстны офицерамъ разныя барскія замашки, безъ которыхъ у насъ рѣдко кто обходится; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ нихъ очень хорошо можно обходиться. Напримѣръ, сапоги здѣсь офицеры всегда снимаютъ сами (не говоря уже о чулкахъ), а при одѣваніи и раздѣваніи ихъ никогда никто не присутствуетъ въ качествѣ помощника. За то подъ каждой кроватью стоятъ такъ называемый въ Германіи «Stiefelknecht», т. е. «рабъ сапоговъ». Это очень простая машинка, въ которую вы вставляете одну ногу, придерживая ее другой, и въ секунду сапогъ снять. Потомъ нужно взять эти сапоги и выставить ихъ за дверь своей комнаты (которую обыкновенно запираютъ на ночь изнутри), если не хотите, чтобы ординарецъ разбудилъ васъ стукомъ въ дверь уже въ четыре часа утра, когда прійдетъ взять ихъ, чтобы вычистить. Умываться также никто не «подастъ», но всѣ нужныя принадлежности приготовлены служанкою еще съ вечера, и, хотя пополамъ съ грѣхомъ, можно умыться. Будить себя часто также некому приказывать, но почти у всякаго есть будильникъ, который заводится съ вечера и наставляется на тотъ часъ, въ который хотять встать. Онъ подыметъ такую стукотню, что нѣтъ возможности проспать.

Нѣтъ сомнѣнія, жизнь безъ другаго существа, имѣющаго незавидную долю принадлежать не себѣ, а вамъ, имѣющаго назначеніе думать не о своихъ удобствахъ и выгодахъ, а о вашихъ, готовить кушанье не для себя, а для васъ, и все это безъ всякаго вознагражденія,—словомъ, жизнь безъ лакея, называемаго деньщикомъ, такая жизнь пріятнѣе, независимѣе и спокойнѣе. Я испыталъ ту и другую и сужу по собственному опыту. Но всегда ли она возможна у насъ безъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны офицеровъ, при расквартированіи половины арміи въ деревняхъ, гдѣ, если не имѣть человѣка, умѣющаго приготовить

котлеты и супъ, приходится слишкомъ часто довольствоваться пустыми щами и солеными огурцами? это другой вопросъ. Думаю только, что если бы офицерамъ дали вмѣсто деньщиковъ деньги и обязали бы ихъ платить вѣстовому за прислугу, то нашлись бы солдатики, которые живо выучились бы стряпать не хуже деньщиковъ. Чего люди не дѣлаютъ за деньги? Правда и то, что уборка лошадей и поварское искусство плохо согласуются между собою.

Теперь половина деньщиковъ, т. е., быть можетъ, болѣе 10,000 человекъ, рѣшительно дармоѣдничаетъ, и офицеры ихъ держать только потому, что они имъ мало стоятъ. Къ этой категоріи принадлежатъ всѣ деньщики, состоящіе при офицерахъ, живущихъ въ городахъ и особенно при расположенныхъ въ казармахъ. Все занятіе ихъ заключается въ «наставленіи» самоваровъ и чисткѣ сапоговъ. По закону, они, кажется, обязаны убирать и офицерскихъ лошадей; но всѣмъ извѣстно, что это всегда и вездѣ не имъ поручается. А наставлять самовары, чистить сапоги и даже прибирать несложно убранныя комнаты наши можетъ одинъ человекъ на десять офицеровъ, если они живутъ въ казармахъ.

Вотъ характеристическій случай, идущій къ дѣлу (*). Шести офицерамъ отвели въ казармахъ, въ г. Ч....вѣ, двѣ огромныя комнаты. Они помѣстились всѣ шестеро въ одной, а другую, смежную, предоставили своимъ шести деньщикамъ, потому что у каждаго было, по положенію, по одному деньщику. Офицеры эти почти всегда обѣдали внѣ дома, и все занятіе шести деньщиковъ было: наставить утромъ самоваръ, снимать панамъ сапоги и т. д., что занимало каждаго въ теченіе одного часа ежедневно; остальное время они пьянствовали или спали, развивая въ своемъ апартантѣ атмосферу, которая могла бы сшибить съ ногъ самаго крѣпкаго человека, съ непривычки. Квартировавшимъ въ великой Россіи такое сгущеніе воздуха должно быть извѣстно, подъ названіемъ «хоть топоръ вѣшай».

Офицеры, свято придерживаясь прадѣдовскихъ обычаевъ, также спали послѣ обѣда. Дѣло было лѣтомъ. Разъ одному захотѣлось въ это время пить.

— Эй! подай воды!

Дверь была немного открыта, и можно было слышать, какъ храпѣли деньщики въ другой комнатѣ. Но никто не отозвался.

(*) Прошу М. Н. Крут...аго позволить мнѣ рассказать его.

— Эй! воды!

— Иванъ! слышишь: «твой» кличетъ, шепчетъ одинъ.

Иванъ потянулся, зѣвнулъ и флегматически замѣтилъ:

— Нѣтъ, должно быть, не мой: мой пообѣдавши никогда не пьетъ воды.

— Такъ должно быть Сидоровъ: взбуди его.

— Чего будить напрасно человѣка: небось, не сомреть; захочетъ пить, такъ и самъ придетъ за водой. Нечего тебѣ горючку пороть.

— Эй! воды!

— Да вѣдъ это твой, Иванъ! опять шепчетъ первый.

— Ну, такъ что жъ что мой! обождетъ. А не то взбуди Трофима, да скажи ему, что его требуетъ: онъ, дуракъ, сейчасъ и побѣжитъ.

Деньщикъ не трогается.

Офицеръ, наскучивъ звать и боясь крикнуть слишкомъ громко, чтобы не разбудить спящихъ товарищей, наконецъ, дѣйствительно, самъ встаетъ и приходитъ въ деньщикуку. Здѣсь всѣ представляются крѣпко спящими.

— Что жъ вы, оглохли здѣсь всѣ, что ли?!... и т. д.

Нѣсколько деньщиковъ вскакиваютъ, въ томъ числѣ и Иванъ.

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Да развѣ не слышали, какъ я цѣлый часъ прошу у васъ воды?

— Вы не слышали? спрашиваетъ Иванъ другихъ, съ самой наивной миной.

— Не слышали: вздремнули маненько... извѣстно, жара....

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не слышали, сгѣло отвѣчаетъ Иванъ за всѣхъ.

Сонному офицеру, стоящему среди комнаты, въ костюмѣ праотца Адама, съ прибавленіемъ только рубашки, все это надѣдаетъ. Онъ самъ подходитъ къ ушату, зачерпываетъ воды и испиваетъ. Спрашивается: зачѣмъ этимъ шести офицерамъ шесть деньщиковъ? и развѣ не лучше, въ случаѣ жажды, начинать съ того, чѣмъ кончилъ мой герой?

Я слышалъ, впрочемъ, что систему услуги офицеровъ у насъ переобразовываютъ. Съ отиѣной крѣпостнаго права и барскія замашки, тянущія къ Азіи, понемногу исчезнутъ изъ нашихъ нравовъ. Пора.

Сдѣлаемъ опять ретирату къ частной жизни французскихъ

офицеровъ. Поговоривъ о ихъ жилищѣхъ и прислугѣхъ, перейдемъ къ образу препровожденія времени.

Такъ какъ всѣ французскія войска постоянно квартируютъ въ казармахъ, то время и занятіе всѣхъ чиновъ идутъ разъ навсегда установленнымъ порядкомъ, однообразно, какъ маятникъ часовъ. Офицеръ всегда знаетъ впередъ, въ какомъ мѣсяцѣ, въ какое время онъ будутъ вставать, когда какія будутъ ученья, когда пойдетъ въ лагерь, когда вернется и т. д. Кромѣ войны, въ жизни его не бываетъ *случаевъ*, разнообразящихъ у насъ армейскую жизнь, составляющихъ поэзію нашей армейской службы, привязывающихъ къ ней столько же, сколько и тѣсное, дружное товарищество полковъ. Въѣстъ они дѣлаютъ ее приятнымъ, милымъ воспоминаніемъ на всю жизнь. Значительные походы здѣсь рѣдки. Стоянки мѣняются еще рѣже, не разнообразятся то бѣдною литовскою деревушкою, то польскимъ городомъ, то богатымъ русскимъ селомъ, то южно-русскимъ хуторомъ, то губернскимъ городомъ или даже столицей. Пищи для наблюденія нѣтъ вовсе: народъ и обычаи, которые видятъ Французы внутри своей страны, все тѣ же или почти тѣ же, а казарменная жизнь не даетъ и взглянуть въ окружающую сферу. а насъ, при маленькомъ счастіи, можно въ шесть лѣтъ службы сдѣлать болѣе 7,000 верстъ походами (говорю по опыту), не считая передвиженій на театрѣ военныхъ дѣйствій, и побывать въ Закавказьѣ и въ Великороссіи, въ Малороссіи и юго-западномъ краѣ, въ Варшавѣ....

Офицеры почти всегда должны вставать рано, лѣтомъ нерѣдко въ четыре съ половиною часа, потому что въ пять часовъ начинается уже ученье. Обыкновенно они не пьютъ кофе дома, У вставши сейчасъ же идутъ на учебный плацъ. Около этого плаца непремѣнно есть какое нибудь кафе, спеціально рассчитывающее на близость казармъ и всегда набитое военными. Здѣсь глотается за гривенникъ чашка кофе съ булкой и масломъ. Потомъ начинается ученье, продолжающееся лѣтомъ часовъ до девяти или даже девяти съ половиною. Ученье бываетъ круглый годъ, каждый будній день, слѣдовательно приходится гораздо болѣе работать, нежели у насъ. Вернувшись домой, офицеры умываются, прихорашиваются (меня удивила тщательность, съ которою всѣ одѣты, причесаны, напомажены и съ которою подкручены кончики усовъ) и отправляются къ десяти часамъ въ свой «пансіонъ» завтракать.

«Пансіонъ» обыкновенно гостинница, но въ городахъ, гдѣ много офицеровъ, бываютъ и частные дома, промышленяющіе столъ для нихъ. Во всякомъ случаѣ, въ гостинницѣ ли, или въ частномъ домѣ, офицеры ѣдятъ въ совершенно отдѣльной комнатѣ. Желающій имѣть у себя такой пансіонъ объявляетъ цѣну и другія условія, и къ нему набирается артель. Въ полкахъ устроено такъ, что всѣ капитаны обѣдаютъ вмѣстѣ, поручики вмѣстѣ и подпоручики вмѣстѣ; капитаны, разумѣется, платятъ дороже всѣхъ, а подпоручикъ дешевле всѣхъ, но за то и ѣдятъ хуже. Однако, въ школѣ поручики перемежшаны съ подпоручиками и всѣ обѣдаютъ небольшими артелями, человекъ по 15, 16. Кадровые офицеры держатъ себя совершенно въ сторонѣ и обѣдаютъ маленькими кучками, по 4 или 5 человекъ. Всякой холостой офицеръ *обязанъ обѣдать* съ другими въ пансіонѣ, а не одинъ, и я нахожу это учрежденіе прекраснымъ. Люди сближаются, обмѣниваются мыслями, и является сословный духъ, весьма полезный войску.... Бѣдному человеку это учрежденіе, впрочемъ, должно быть иногда въ тягость: въ пансіонахъ ѣдятъ очень роскошно, и хотя платятъ, сравнительно, очень дешево (отъ 55 до 70 франковъ въ мѣсяцъ за завтракъ и обѣдъ), но бѣдняку не до роскошныхъ обѣдовъ, когда взъ-за нихъ нужно отказывать себѣ въ другомъ, болѣе потребномъ. Известно, что въ Пруссіи обѣдаетъ даже весь полкъ вмѣстѣ; но такъ какъ отношенія между младшими и старшими офицерами (по чину) и въ Пруссіи и во Франціи довольно натянуты, то мнѣ кажется, что артели по чинамъ менѣе стѣснительны и пріятнѣе.

Завтракъ во Франціи тотъ же обѣдъ, только безъ супу. Сперва даютъ сардинки, сыръ, масло, радиски и т. д., потомъ котлеты или бифтексъ, потомъ рыбу, потомъ какіе нибудь овощи, потомъ еще и еще что нибудь и наконецъ разные десерты. Всего шесть или семь блюдъ. Особенность сервировки стола въ провинціяхъ, во Франціи, та, что приносятъ разомъ три или четыре блюда и ставятъ ихъ на столъ. Каждый самъ беретъ что хочетъ. Этимъ способомъ одна служанка или одинъ человекъ прислуживаетъ большому обществу, на которое у насъ потребовалось бы трое людей. За то, нужно сказать правду, почти всѣ кушанья подаются уже остывшими. На двухъ человекъ стоитъ большая бутылка вина; но вино пьется *à discretion*, то есть на совѣсть, и если вамъ мало полубутылки, то можете требовать сколько угодно, хоть три. Вино составляетъ во Фран-

ція такую же необходимость всякой трапезы, какъ и хлѣбъ, безъ него никто не садится за столъ; даже самый бѣдный чело­вѣкъ пьетъ не воду, а сидръ, вино изъ плодовъ, имѣющій, впрочемъ, болѣе сходства съ квасомъ, чѣмъ съ виномъ.

Послѣ завтрака всѣ идутъ гурьбой въ кафе, постоянно въ одинъ и тотъ же. Здѣсь каждый требуетъ себѣ что нибудь и начинается игра на бильярдѣ, въ домино или въ карты. Биль­ярды всегда безъ лузъ, только съ тремя шарами, извѣстные и у насъ подъ названіемъ «французскихъ»; маркеровъ при нихъ нѣтъ: играющіе должны считать сами. Желаящіе играть въ карты *требуютъ* ихъ какъ чашку кофе и платятъ за право по­играть ими. Гарсонъ приноситъ складную доску, на которой натянуто зеленое сукно, и колоду картъ, часто уже довольно засаленную. Обыкновенно играютъ только вдвоемъ. Часть офи­церовъ занимается чтеніемъ газетъ, получаемыхъ вездѣ, даже во всякой деревнѣ, каждый день. Въ кафе, куда ходятъ офице­ры, всегда есть для нихъ особая комната, съ особымъ биль­ярдомъ; тамъ же держатъ военные журналы и открытъ кре­дитъ. Съ остальными посѣтителями кафе офицеры не имѣютъ никакихъ столкновеній.

Офицеры, квартировавшіе въ городахъ царства Польскаго или въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, легко составятъ себѣ понятіе о томъ, что называется здѣсь *la vie du café* (жизнь въ кафе), т. е. жизнь, которую *крумый водъ* ведутъ всѣ офицеры фран­цузской арміи. Въ лагеряхъ и даже на бивуакахъ (какъ было, напримѣръ, въ Севастополѣ) также устраиваются подобныя заве­денія. Въ Польшѣ идешь, бывало, въ гостиницу городка, въ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключается и цукерня. Этимъ она, впрочемъ, значительно разнится отъ французскихъ *café*, строго держащихся своей спеціальности, даже въ мелкихъ городахъ: кромѣ кофе, шоколаду, вина, мороженаго и бисквитъ, въ нихъ ничего не подаютъ. Приходишь и едва успѣлъ отворить двери, какъ нѣсколько голосовъ произносятъ:

— А-а! Наконецъ-то! Здравствуйте! Слыхали про новую штуку нашего-то...

— Здравствуйте! Нѣтъ, не слыхалъ. Что такое?

(Въ то же время общее пожатіе рукъ.)

Разсказываютъ новую штуку, дѣйствительно очень замѣча­тельную. Давъ волю языку вмѣстѣ съ другими, чтобы облег­чить немного душу, приступаешь къ игрѣ на бильярдѣ, очень

грязномъ и очень неправильномъ, подъ однообразные возгласы зѣвающего маркера:

— *Nic a będzie!* или *nic a pendziesiont cztyre*, смотря по шансамъ игры.

Потомъ передаетъ кій другому, уже нѣсколько разъ напомнившему вамъ, что онъ на очереди и давно ждетъ, берешь листокъ «Курьера Варшавскаго», единственной газеты, выписываемой въ цукернѣ, и разбираешь въ немъ, почти по складамъ, «*Ostatni nowosci zagraniczne*, реляція о церковной службѣ въ костелѣ бернардиновъ или доминиканцевъ. На самомъ интересномъ мѣстѣ компанія объявляетъ вамъ, что уже довольно читать, пора обѣдать и «браться за дѣло». Посовѣтовавшись съ желудкомъ, вы находите, что вамъ еще не хочется ѣсть, но принимаете въ соображеніе, что за дѣло дѣйствительно пора браться, тѣмъ болѣе, что цѣлое утро *пропало* безъ дѣла, и садитесь тутъ же обѣдать. Столъ накрытъ скатертью не первой свѣжести, съ зелеными и жирными пятнами; прислуживаетъ тотъ же маркеръ, довольно неапетитно запуская большой палецъ въ суповую миску или блюдо съ котлетами, когда подаетъ ихъ. Ножи и посуда какъ-то тускловаты, и предосторожность употреблять салфетку для вытиранія тарелокъ, ложекъ и ножей, а свой носовой платокъ для рта, далеко не лишняя. Обѣдъ приготовленъ въ польскомъ вкусѣ, довольно сносный и недорогой. Во время ѣды, начинаются уже шумные переговоры, *какими дѣломъ заняться*: ералашемъ или преферансомъ. Одни требуютъ ералашъ, потому что имъ не везетъ въ преферансъ и они дали себѣ слово не играть болѣе въ него; другіе, на томъ же самомъ основаніи, требуютъ преферанса...

Такъ проводятъ у насъ время въ заведеніяхъ, нѣсколько соответствующихъ французскимъ *café*. Последнія только гораздо чище и, какъ замѣчено, въ нихъ ничего не ѣдятъ, а только пьютъ. Между напитками, которые въ большомъ ходу среди военныхъ, особеннымъ вниманіемъ пользуется абсентъ (*absinthe*). Я не зналъ, что это такое, но также потребовалъ себѣ. Миѣ подали рюмку, налитую зеленоватою жидкостью, пустой стаканъ и графинъ воды. Понюхалъ рюмку: кажется, водка, съ какой-то примѣсью. Попробовалъ немного: кажется, что не ошибся, а потому я и *хватилъ* ее по русски. Пришлось, однако, раскаиваться. Абсентъ есть чистый, настоенный полынью, спиртъ, который нужно было вылить въ стаканъ, разбавить водой и выпить въ

видѣ довольно пріятнаго прохладительнаго. Впрочемъ, ничего: не уронилъ русской доблести передъ Французами и даже не поморщился, хотя успѣшилъ тушить пожаръ внутри стаканомъ воды.

Просидѣвъ въ *café* часовъ до двѣнадцати, большая часть офицеровъ расходится по домамъ (въ Сомюрѣ), и остаются только отчаянные игроки. Остальные или ложатся соснуть, или готовятся къ лекціямъ, которыми не шутятъ, какъ мы видѣли выше. Въ три часа всѣ уже въ аудиторіяхъ, въ пять выходятъ изъ нихъ, въ шесть собираются опять въ пансіонъ обѣдать. Изъ аудиторій нѣкоторые заходятъ домой, но большая часть идетъ въ *café*, гдѣ постоянно, кромѣ времени ученій и лекцій, можно найти болѣе или менѣе многочисленное общество.

Обѣдъ состоитъ изъ восьми или девяти блюдъ, очень хорошо приготовленныхъ, даже гастрономическихъ. Подаютъ, напримѣръ, дичь, раки, трюфли и другія довольно дорогія вещи. Вино, опять *à discretion*, и все это за 60 франковъ въ мѣсяцъ, т. е. за 50 коп. въ день. Просто не знаешь, какимъ образомъ могутъ здѣсь, гдѣ всѣ припасы довольно дороги сами по себѣ, да еще обложены пошлиною, такъ хорошо кормить за эту сумму. Въдъ за каждое блюдо платится всего 2½ коп., если вычестъ хоть 5 коп. за вино. У насъ, даже постоянно обѣдая въ одной и той же гостинницѣ, за такую пищу нужно платить не менѣе двухъ рублей въ день, да не вездѣ и можно имѣть такой столъ.

Обѣдъ обыкновенно очень оживленъ, благодаря не вину *à discretion* (офицеры довольно воздержны), а веселости, свойственной всѣмъ Французамъ. Я внимательно прислушивался къ разговорамъ офицеровъ.

— Повѣрьте, горячо говорить молодой подпоручикъ, мой сосѣдъ съ правой стороны, своему *vis-à-vis*: — повѣрьте, что онъ у меня пойдетъ.

— Я ничуть не сомнѣваюсь, что вы хорошій ѣздокъ, нѣсколько проницески отвѣчаетъ тотъ: — но эта лошадь рѣшительно отказывается ходить галопомъ съ правой ноги.

— То же самое говорили и о Юпитерѣ, однако теперь ходить же у меня.

— Ну, Юпитеръ не то, что Клеопатра...

Далѣе, слышу, пожилой поручикъ, остриженный подъ гребенку, рассказываетъ спокойнымъ, ровнымъ тономъ, не переставая ѣсть:

— Мы выступили часа въ два, еще далеко до разсвѣта... Вы знаете, что полкъ нашъ былъ въ авангардѣ... Кажется, 70-й пѣхотный первый прошелъ мостъ... и атаковалъ Австрійцевъ. Дѣло было горячее, и, нужно отдать имъ полную справедливость, Австрійцы лихо держались. Но народъ, знаете, безъ энтузіазма... гдѣ имъ противъ нашихъ!... Тутъ насъ отодвинули назадъ, и т. д.

Въ концѣ стола, поручикъ спаговъ, бывшій въ Крыму, громко рассказываетъ всѣмъ желающимъ и нежелающимъ слушать его, какъ онъ ухаживалъ когда-то за дочерью своего привратника:

— Наконецъ представился удобный случай. Прихожу я какъ-то ночью домой изъ café. Звоню. Отворяютъ мнѣ. Вхожу въ комнату, гдѣ висятъ ключи, и вижу, что она одна и пьетъ что-то.

— Добраго вечера, mademoiselle!

— Добраго вечера, monsieur!

— Гдѣ же вашъ папа?

— Папа ушелъ къ monsieur Приану: сегодня его именины.

— Что же вы до сихъ поръ работаете?

— Да такъ: хочу подождать, пока онъ вернется.

— Однако, очень вредно шить такъ много по ночамъ. Вы можете испортить ваши прекрасные глаза.

— Ахъ, нѣтъ! — да такъ плутовски посмотрѣла на меня и улыбнулась. Я, знаете, взялъ ее этакъ за руку (показываетъ правой рукой, при помощи лѣвой, какъ именно) и пожалъ. Она ничего. Я думалъ уже, что наконецъ дѣло пойдетъ на ладъ; но въ это время... день, день, день.

— Monsieur, пожалуйста, уходите скорѣй; это, вѣрно, папа звонить.

— Прощайте. Приходите завтра, въ шесть часовъ, въ церковь St. Eustache. Придете?

— Уходите, уходите... прощайте.

— На другой день, продолжаетъ раскащикъ: — у насъ было полковое ученье. Я измучился какъ невольникъ, но...

Далѣе надоѣло мнѣ слушать. Я привелъ эти отрывочные разговоры и рассказы, желая показать читателю, что предметы, интересующіе здѣшнихъ офицеровъ, тѣ же, которые интересуютъ и нашихъ и прусскихъ. Да и весь бытъ ихъ также имѣетъ много общихъ сторонъ съ нашимъ, несмотря на свою болѣе благопріятную, чисто-европейскую обстановку. Видно, военная жизнь вездѣ составлена изъ столь однородныхъ элементовъ, что какъ ихъ ни переставляй, ни выворачивай, все же она выработаетъ

людей съ болѣе или менѣе одинаковымъ направленіемъ и привычками. Уровень образованія здѣсь, впрочемъ, выше, нежели у насъ; послѣднее болѣе одинаково и не представляетъ рѣзкихъ контрастовъ, сплошь попадающихся въ армейскихъ полкахъ нашихъ, гдѣ всегда можно найти человѣка свѣтскаго, притомъ получившаго высшее военное образованіе, и рядомъ съ нимъ такъ называемаго «балочника» Херсонской губерніи, не умѣющаго правильно написать двухъ строкъ, никогда ничего не читающаго и ничего не знающаго далѣе своихъ балокъ съ хуторами и степей. Здѣшнее полковое общество поэтому гораздо болѣе скрѣплено, не разбивается на нѣсколько партій, часто невольно образующихся у насъ. Кромѣ того, нужно сознаться, французскіе офицеры гораздо болѣе преданы своему ремеслу, болѣе интересуются имъ.

Причина этого явленія лежитъ, мнѣ кажется, не столько въ воинственномъ характерѣ Французовъ, сколько въ способѣ комплектованія арміи офицерами. Во Франціи нѣтъ кадетскихъ корпусовъ, куда нерѣдко отдають семи, восьмилѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ часто, быть можетъ, вышелъ бы хорошій юристъ или медикъ, и ихъ заставляютъ дѣлаться воинами. Здѣсь эпюлеты не достаются такъ легко.

Съ городскими жителями офицеры почти не знакомятся, развѣ сдѣлають одинъ визитъ, не болѣе, какому нибудь богачу, который даетъ зимою вечера, для того, чтобы онъ пригласилъ на нихъ. Но этимъ визитомъ и этими вечерами все и ограничивается. Правительство поддерживаетъ столь далекія отношенія. Café — вотъ главный, самый интересный центръ, въ которомъ сосредоточена военная жизнь. Такъ какъ офицеры, находящіеся въ полкахъ, имѣють болѣе свободнаго времени, чѣмъ ученики Сюмюрской школы, о которыхъ я здѣсь преимущественно говорилъ, то на сидѣнье въ сафѣ нужно у нихъ прибавить еще часа два, три въ сутки. Здѣсь назначаютъ другъ другу rendez-vous, здѣсь читають, играютъ, спорятъ, пьютъ. Другъ къ другу офицеры заходятъ рѣдко, и то, болѣею частію, только на нѣсколько минутъ, чтобы «потащить» въ сафѣ.

Въ воскресенье офицеры обыкновенно гурьбой гуляютъ по улицѣ, довольно нахально посматривая на хорошевыихъ женщинъ, попадающихся на встрѣчу. Замашку эту можно часто подиѣтвить и у насъ.

Очень хорошо понимая, что радушный, дружескій пріемъ, который былъ мнѣ сдѣланъ офицерами Сомюрской школы, относится не къ моей личности, а къ національности, которой я принадлежу, къ русской арміи въ особенности, которой я былъ представителемъ, я поблагодарилъ ихъ за этотъ пріемъ отъ *лица всѣхъ моихъ военныхъ соотечественниковъ*. Я бы поблагодарилъ ихъ еще разъ здѣсь, особенно поручика Бурсейля и подпоручиковъ дю-Гамеля и Фаралика, еслибъ могъ предполагать, что статья эта когда либо попала въ ихъ руки и была бы понята ими.

В. ДЕТЛОВЪ.

Парижъ, 6 сентября 1862 г.